Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 3. С. 90–97. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 3, pp. 90–97. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
УДК 821.161.1.09«19»
EDN NKFZMQ
https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-90-97

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ А.И. ГОТОВЦЕВОЙ 1820–1850-Х ГГ.

Коптелова Наталия Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, nkoptelova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7145-223X

Аннотация. В статье рассматриваются генезис, семантика и поэтика музыкальных образов, использованных в стихотворениях А.И. Готовцевой 1820–1850 гг. Автор показывает, что в художественной системе костромской поэтессы музыкальные образы формируют особый уровень и играют роль смысловых интеграторов. Выявляется, что все они имеют романтическую природу и сочетают в себе литературные, мифологические и библейские истоки. Ключевыми репрезентациями музыкальной символики в лирике Готовцевой становятся образы «арфы» и «хора ангелов». В стихотворениях, созданных в 1833–1834 гг. и приближающихся по своей жанровой специфике к лирическому фрагменту, музыкальные образы преломляют впечатления поэтессы от реального прослушивания музыки. В работе сделан вывод о том, что в процессе интерпретации музыкальной символики Готовцева часто сопрягает мотив волшебства и магии, восходящий к мифологии и фольклору, с мотивом христианского рая.

Ключевые слова: А.И. Готовцева, музыкальные образы, поэзия, послание, арфа, хор ангелов, литературная традиция, мифология, библейские истоки.

Для цитирования: Коптелова Н.Г. Музыкальные образы в поэзии А.И. Готовцевой 1820–1850-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 3. С. 90–97. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-90-97

Research Article

MUSICAL IMAGES IN THE 1820–1850 POETRY BY ANNA GOTOVTSEVA

Nataliya G. Koptelova, DSc in Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nkoptelova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7145-223X

Abstract. The article examines the genesis, semantics, and poetics of musical images used in the poems by Anna Gotovtseva from 1820 to 1850. It is shown that in the artistic system of Kostroma poetess, musical images form a special level and play the role of semantic integrators. It is revealed that all those are of romantic nature and combine literary, and they have mythological and biblical origins. It is proved that the key representations of musical symbolism in Anna Gotovtseva's lyrics are the images of the "harp" and the "chorus of angels". It turns out that in poems created in 1833–1834 and approaching the lyrical fragment in their genre specificity, musical images refract the poetess's impressions from actually listening to music. The paper concludes that in the process of interpreting musical symbolism, Anna Gotovtseva often combines the motif of magic, which is derived from mythology and folklore, with the motif of the Christian paradise.

Keywords: Anna Gotovtseva, musical images, poetry, message, harp, choir of angels, literary tradition, mythology, biblical sources.

For citation: Koptelova N.G. Musical images in the 1820–1850 poetry by Anna Gotovtseva. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 3, pp. 90–97. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-90-97

В последние десятилетия изучение биографии и творчества костромской поэтессы А.И. Готовцевой заметно активизировалось [Бочков; Лебедев; Вацуро; Чупринова: 47–57; Романова 2020; Романова 2025а; Романова 2025б; Коптелова 2024а; Коптелова 2024б; Коптелова 2025а; Коптелова 2025б; Коптелова, Четверикова 2025а; Коптелова, Четверикова 2025б]. Однако ещё во многом не описаны особенности поэтики её лирики, как и не определена в полной мере роль Готовцевой в развитии литературы Костромского края и русской женской поэзии XIX в. в целом.

Известно, что дом Готовцевой (в замужестве Корниловой) в провинциальной Костроме стал настоящим оазисом культуры [Сапрыгина: 11]. И это произошло потому, что поэтесса страстно любила не только литературу, но также музыку, живопись и театр. Неслучайно во втором стихотворном послании к Ю.Н. Бартеневу «Вечер на 17 сентября 1850 года (Посвящается Ю.Н. Бартеневу)» (1850) в качестве эпиграфа Готовцева использовала трансформированную фразу из романа французской писательницы Жермены де Сталь «Коринна, или Ита-

© Коптелова Н.Г., 2026

лия», впервые опубликованного в 1807 г. («Je suis poëte lorsque j'admire») [Готовцева: 54]. Её можно перевести следующим образом: «Я поэт, когда я восхищаюсь». Тем самым Готовцева опосредованно отождествила своё лирическое «я» с образом Коринны, главной героини из произведения де Сталь, которая не могла существовать без того, чтобы выражать свои мысли и чувства как в поэзии, так и в музыке [Коптелова 2024б: 53–55]. В этом плане Готовцева типологически сближается с личностью своей современницы З.А. Волконской, также страстно увлечённой творчеством де Сталь и прозванной современниками «Северной Коринной». Подобно Готовцевой, Волконская воспринимала как свою родную стихию не только литературу, но и музыку (пение) [Коптелова, Четверикова 2025а: 63–64].

К сожалению, в настоящее время исследователи творческой биографии Готовцевой располагают крайне ограниченным кругом литературных источников. Тем ценнее представляются любые, даже самые незначительные факты, характеризующие природу её художественной одарённости, органически соединяющей поэтический дар и музыкальный талант. В свете сказанного любопытно письмо Ю.Н. Бартенева П.А. Вяземскому от 28 ноября 1829 г., в котором он шутливо характеризует оригинальную и остроумную музыкальную импровизацию Готовцевой, имеющую пародийную направленность и проецирующую образ Сатурна, почерпнутый из мифологии древних римлян, на личность своего наставника. Бартенев пишет Вяземскому: «Помилуйте, что у вас за мания открылась давать мне эпитеты, уполномочив нашу стихотворку (в письме вашем от 11-го августа) величать меня Сатурном, седым старичком, приглашая её утвердить и усвоить мне сии, как выражаетесь, роли; располагая стихотворку к подозрению (чувству, которого я доселе в ней не примечал), что я со всею филозофиею своею, вряд ли буду тем доволен и проч. и проч. Вы, Милостивый Государь, наделали много зла, теперь беспрестанно наша Костромская Сафо дразнит меня Сатурном, хотя я детей своих не едал и косы за поясом не носил; также Сафо усвоила мне кличку седого Старика; даже разумножила сии невыгодные для меня прозвища тем, что и *искусственный полухохотом составила, октавно подобрав оный, к звонкому своему голосу*. – Недавно она гостила у жены моей, которая также на неё хохлится, за таковые прозвища. Но что делать, видно пришлось терпеть!» (курсив мой. – *Н. К.*) [Марусяк: 190–191].

Очевидно, проникновение музыкального начала в поэтическое сознание Готовцевой интуитивно почувствовал и П.А. Вяземский, который в «Стансах» (1828), посвящённых костромской поэтессе, определил сущность её творческого дара через мотив песни: «Вы захотели примирить / Существенность с воображеньем; / За вдохновенье вдохновеньем, / За *песни песнями платить*» (курсив мой. – *Н .К.*) [Северные цветы: 179]. В данном контексте «песни» становятся метафорой поэзии, в которой зашифровывается глубинное родство словесного искусства и музыки. Вяземский был восхищён неподдельной искренностью лирических признаний начинающей поэтессы. Для характеристики Готовцевой он также нашёл следующую музыкальную параллель: «С улыбкой вашею созвучен / И стих ваш, сердца *чистый звук*» (курсив мой. – *Н. К.*) [Северные цветы: 179].

В своём поэтическом послании «Анне Ивановне», обращённом к Готовцевой и создающем её духовно-творческий портрет, Н.М. Языков, подобно Вяземскому, раскрывает неповторимую индивидуальность костромской поэтессы через музыкальные ассоциации:

Влюблён я, дева-красота,
В твой разговор живой и страстной,
В твой *голос ангельски прекрасной*,
В твои румяные уста.

Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих наслушаться речей,
Упиться песнею твоей,
Твоим дыханьем надышаться
(курсив мой. – *Н.К.*) [Языков].

Автора этого проникновенного лирического признания завораживает «музыка» голоса Готовцевой. Впечатление от красоты адресата послания усиливается у Языкова благодаря силе творческого дара поэтессы, имеющего музыкальную природу и, как в «Стансах» Вяземского, представленного в образе чарующей «песни». Нельзя не признать проницательность Бартенева, Вяземского и Языкова, единогласно подчеркнувших влияние искусства музыки на лирику Готовцевой.

В предлагаемой статье мы рассмотрим генезис, семантику и поэтику музыкальных образов, использованных в ряде стихотворений Готовцевой 1820–1850-х гг. Эти образы встречаются уже в ранних ее стихотворениях «Видение» и «К П***», написанных, согласно датировке поэтессы, в 1825 г.[1] и опубликованных в альманахе «Литературный музеум на 1827 год».

В стихотворении «Видение» лирическая героиня Готовцевой останавливает чудесное мгновение, рассказывая о своей таинственной встрече с некоей гостьей из потустороннего мира:

Я видела тебя! приникнув с высоты
В одежде розовой и в блеске красоты,
О сладкое очарованье…
При звуке арфы золотой
Ты прошептала мне свиданье
И радость жизни неземной! (курсив мой. – *Н. К.*)
[Литературный музеум на 1827 год: 162–163].

Эта удивительная встреча происходит под аккомпанемент прекрасной музыки: «При звуке арфы золотой» [Литературный музеум на 1827 год: 162]. Образ «арфы золотой», использованный Готовцевой в контексте процитированного нами отрывка, восходит к глубокой древности и имеет разветвлённые культурные корни. Выражение «арфа золотая» отсылает, прежде всего, к «Песням Оссиана», ставшим предметом активной творческой рефлексии в русской литературе XVIII – первой трети XIX века [Левин; Елепова]. Так, символ «арфы золотой», интерпретированный с опорой на поэтику Оссиана, фигурирует в стихотворениях Г.Р. Державина («На победы в Италии») (1799) [Морозова: 27], К.Н. Батюшкова («На развалинах замка Швеции») (1814), А.С. Пушкина («Воспоминания в Царском селе») (1814), М.Ю. Лермонтова «Звуки и взор» (1830). Так или иначе, Готовцева также вписывается в этот авторский ряд[2].

Однако истолкование образа «золотой арфы» в произведении Готовцевой ориентировано не только на творческий опыт Оссиана, но и на освоение древнегреческой мифологии (арфа как атрибут Аполлона и Терпсихоры, Эолова арфа) и библейской традиции (арфа царя Давида). Звучание «арфы золотой» уподобляет пришелицу из иного мира, описанную в её стихотворении, музе, носительнице духовной гармонии и творческого вдохновения. В то же время в облике таинственной гостьи угадываются черты Александры, старшей сестры поэтессы, умершей в 1825 г. [Романова 2025а: 67]. Поэтому образ арфы в данном поэтическом контексте выступает и как посредник между земным и потусторонним. В рамках лирического сюжета стихотворения чистый звук арфы становится посланием божественных сил и воссоединяет душу лирической героини Готовцевой с душой сестры, ушедшей в мир иной. Эта смысловая грань символа «арфы золотой», упомянутого в стихотворении костромской поэтессы, перекликается с философской концепцией баллады В.А. Жуковского «Эолова арфа» (1814), где музыкальный инструмент также становится знаком вечной памяти, бессмертия любви и способом преодоления разлуки. Герой этого романтического произведения наделяет арфу мистическими свойствами, по сути дела, поручая ей миссию своего духовного двойника:

И арфу унылый
Певец привязал под наклоном ветвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогом прекрасных минувшего дней;
И сладкие звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вестник души неизменныя будь»
[Жуковский 2: 67].

В том же альманахе, что и «Видение», напечатано поэтическое послание «К П***»:

К П***

Как ветром занесённый цвет
В пустыне взор увеселяет:
Так образ твой во мраке бед,
Мне радость сладко воскрешает.
Как *тихой арфы нежный звук*
Понятно к сердцу достигает:
Так голос твой покоит дух,
И бурю в чувствах усыпляет,
Как животворный солнца луч
Поток холодный согревает;
Так тьму моих душевных туч
Твоя улыбка разгоняет (курсив мой. – *Н. К.*)
[Литературный музеум на 1827 год: 280].

Это произведение, как и «Видение», обращено к неизвестному адресату. Но в нём лирическая героиня не уходит в потусторонний мир, она говорит о радости духовного общения с близким человеком в реальной жизни. В послании «К П***» со звуком «тихой арфы», проникающим в самое сердце, сравнивается голос адресата, вносящий в душу лирической героини гармонию и умиротворение. Повторяющийся мотив звучащей арфы, дарующей полноту бытия, гармонию и радость, скрепляет оба стихотворения в своеобразный поэтический микроцикл, диптих.

Музыкальная символика возникает и во втором послании Готовцевой к Ю.Н. Бартеневу «Вечер на 17 сентября 1850 года (Посвящается Ю.Н. Бартеневу)». В нём поэтесса с восторгом воссоздаёт духовный облик Бартенева, характеризуя его как мудрого учителя-проповедника. Она не скрывает, что благодарна своему наставнику за приобщение к миру религиозно-мистических ценностей. Стихотворение завершается кратким молитвословием, напоминающим коду в музыке и включающим выражения «хоры ангелов» и «сладкие песни рая». Полагаем, что именно эти фразы, являющиеся важными носителями смысла, следует считать герменевтическими ключами (указателями) поэтического послания Готовцевой, обращённого к Бартеневу:

Хорам ангелов внимая,
Я молю творца начал,
Чтобы в сладких песнях рая
Мне твой голос прозвучал [Готовцева: 54].

Образ «хора ангелов», формирующий поэтический эпилог произведения, отсылает, прежде всего, к контексту западноевропейской культуры. Этот символ фигурировал, например, в балладе С.Т. Кольриджа «Сказание о старом мореходе» (1798), в трагедии И.В. Гёте «Фауст», (1808, 1832) [Коптелова 2024б: 57]. Он также был изображён на алтарной экспозиции Рафаэля Санти «Святая Сесилия», хранящейся в Болонской пинакотеке, и вдохновил П.А. Вязем-

ского на создание стихотворения «Пред хором ангелов Сесилия святая…» (1810–1823) [Кумпан: 244].

Аллюзия на символ «хор ангелов» задействована и в стихотворении Готовцевой «Камин» (1850), написанном как поэтический перифраз одноимённого прозаического этюда А.П. Хвостовой [Коптелова 2024б: 60–67]. Она возникает в эпизоде произведения, в котором описывается настроение героини, посещающей в процессе своих воображаемых странствий Киево-Печерскую лавру. Используя в контексте «Камина» этот сакральный образ, Готовцева, вслед за Хвостовой, ориентируется на мотив второго стиха 148-го псалма: **«Хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его, все воинства Его»** (Пс. 148: 2). Отголосок Псалтири слышен и в строках стихотворения Готовцевой, в которых центральным становится повторяющийся в её поэзии образ хора ангелов: «О чудо! Ясный неба свод разверзся, и хор дивный / Воспел Иегове: «“Един свят, един Господь всемирный!”» [Готовцева: 56].

В лирике поэтессы существовал и иной вектор генезиса музыкальных образов. Он проявился в её поэтических посланиях, вдохновлённых реальным прослушиванием музыки. Таковы, например, стихотворения, адресованные юному скрипачу, виртуозу Жерому Гюломи. Подобно гениальному маленькому Моцарту, он в сопровождении отца Карла Гюломи гастролировал по разным городам России [Долгушина: 36–37]. Как указывает сама поэтесса в рукописи, её первое послание «К маленькому артисту Гюломи (Когда он играл на скрипке романс: “C’est une larme”)» было написано в 1833 г.[3] А напечатано оно было в 1834 г. в одесском альманахе «Подарок бедным» с ошибочными сведениями об авторе. По-видимому, составители издания не владели точной информацией, поэтому они указали, что это стихотворение создано «Крыловой (вместо Корниловой. – *Н. К.*), урождённой Готовцевой» [Подарок бедным: 152].

Показательно, что в заглавие своего первого послания Гюломи Готовцева включает точное название произведения, исполненного юным виртуозом: романс «C’est une larme» (в переводе на русский язык – «Это слеза»). Он был создан французским скрипачом и композитором Шарлем Филиппом Лафоном и пользовался огромной популярностью в первой половине XIX в. как в Европе, так и в России. Этот романс стал одним из образцов сентиментальной музыки той эпохи.

В начале своего поэтического послания, описывая эмоциональное воздействие игры Гюломи, Готовцева остроумно обыгрывает название исполненного им романса «Это слеза»: «Ах! сколько слёз твоя слеза / В уснувшем сердце разбудила <…>» [Подарок бедным: 152]. А далее звучит лейтмотив (встречающийся во всех стихотворениях поэтессы, рассмотренных нами и включающих музыкальные образы), выражающий их главный смысл: музыкальная стихия услышанного романса, подобно «арфе» и «хору ангелов», уводит лирическую героиню в мир иной, открывая присутствие Бога: «Душа земное всё забыла / И понимала небеса <…>» [Подарок бедным: 152].

В контексте этого послания Готовцева соединяет христианские представления и античный культурный код:

Когда, смычка чудесной силой,
Дитя-Орфей, ты выражал
Тоску задумчивости милой,
Любимый сердца идеал!...
. . . . . [Подарок бедным: 152].

Характеризуя личность Гюломи, она полемически пересоздаёт архетип Орфея, почерпнутый из древнегреческого мифа, предлагая оригинальную образную формулу «Дитя-Орфей» [Подарок бедным: 152]. Использованная поэтессой мифологема «Дитя-Орфей» построена на принципах сопряжения несоизмеримого и антитезы. Она имеет оксюморонную природу и в своём смысловом наполнении парадоксально соединяет слабость, беззащитность детства («Дитя») и сверхъестественную, преображающую мир мощь искусства («Орфей» [Лосев: 262]). Через введение мифологемы «Дитя-Орфей» Готовцева расширяет масштаб личности Гюломи, приобщает её к вечности. Начало (ребёнок) и итог (пророк, певец) сливаются в единый вневременной символ. Одновременно поэтесса сужает и конкретизирует идею магии музыки, заключённую в древнегреческом мифе об Орфее, указывая на то, что «чудесную силу» имеет именно смычок юного скрипача [Подарок бедным: 152].

Примечательно, что после первой строфы в послании «К маленькому артисту Гюломи…», опубликованному в альманахе «Подарок бедным», следует ряд отточий. Это – часто задействованный Готовцевой пунктуационный приём, являющийся её стилевой доминантой. Автографы поэтессы, составляющие рукопись предполагаемого сборника, отправленного Ю.Н. Бартеневу, свидетельствуют о том, что ряды отточий встречались в следующих её стихотворениях: «А.С. Пушкину» (1829)[4], «Сон» (1832)[5], «Старушка» (1835)[6] (указана авторская датировка). Два ряда отточий Готовцева ввела и в позднюю редакцию послания «К П.А. Вяземскому (при получении портрета)» (1837), вошедшую в коллекцию И.С. Зильберштейна [Коптелова, Четверикова 2025б: 130]. В её послании «К маленькому артисту Гюломи…», как и в других перечисленных выше стихотворениях, указанный приём акцентирует загадочную недосказанность, уведённую в подтекст произведения. Он маркирует авторскую установку на «открытость» поэтического текста, на его сознательную незавершённость и в результате приближает все названные

стихотворения, в том числе послание, адресованное Гюломи, к жанру лирического фрагмента. В анализируемом нами произведении ряд отточий одновременно передаёт невозможность выразить словами и эмоциональное напряжение, и ошеломляющий восторг поэтессы, вызванные игрой юного скрипача. В то же время он сигнализирует и о потаённой тревоге Готовцевой за судьбу маленького музыканта в беспощадной реальности. Неслучайно послание заканчивается религиозно окрашенным аккордом, напоминающим финал стихотворения «Вечер на 17 сентября 1850 года (Посвящается Ю.Н. Бартеневу)». Звучит проникновенное, очень личное молитвословие, в котором выражается упование поэтессы на Промысел Божий. В последней строфе стихотворения Готовцева обращается с просьбой к Творцу защитить маленького артиста от жестокого столкновения с земной реальностью, преобразить её по законам музыкальной гармонии, подаренной Гюломи слушателям:

Пусть Провидения рука
Хранит тебя от чувств насильных,
Пусть в жизни, так, как, в звуках дивных
Исчезнут слёзы и тоска! [Подарок бедным: 152].

Реальные впечатления от прослушивания музыки также стали импульсами для создания второго послания Готовцевой к Гюломи «В альбом (ему же)» (1833) и стихотворения «С.П. К……й» (1834) (Софье Петровне Корниловой. – *Н. К.*), обращённого к сестре её мужа. В них поэтесса варьирует метафору «музыка как магия (волшебство)», использованную уже в стихотворении «К маленькому артисту Гюломи». Во втором (альбомном) послании Гюломи Готовцева восклицает: «Опять ты здесь, опять *чарующие звуки / Магически коснулися души!..*» (курсив мой. – *Н. К.*) [Готовцева: 39]. С ним перекликается и стихотворение «С.П. К……й»[7]:

Отрада, горесть, упование,
Сменяются в душе моей;
Ты льёшь в неё *очарованье*
Волшебною игрой своей!..
Дивлюсь, безмолвствую и выразить не смею,
Какое чувство я в груди моей лелею.
Продли его, продли, молюсь, не преставай,
Играй, *волшебница*, не прекращай мой рай!
(курсив мой. – *Н. К.*)[8]

В композиционном отношении это произведение отчётливо делится на две части. Во второй части Готовцева мастерски использует приём удлинения строки для того, чтобы сделать интонацию лирического высказывания более торжественной и передать нарастание эмоционального напряжения лирической героини. От попытки выразить свои чувства, вызванные музыкой, поэтесса переходит к осознанию невозможности их точно описать, к страстной мольбе не прекращать игру, обращённой к пианисту. Как мы уже указывали, в своей лирике Готовцева неоднократно обращается к приёму умолчания: часто прямое выражение мысли уступает в её стихах место намёку, а слово – трепетной паузе. Строка «Дивлюсь, безмолвствую и выразить не смею» также отсылает читателя к поэтике безмолвия, заложенной в романтической лирике Жуковского и предельно ярко воплощённой в его «отрывке» «Невыразимое»: «И лишь молчание понятно говорит» [Жуковский 1: 337].

Мотив «безмолвия», заявленный в послании Готовцевой, несомненно, коррелирует и с лирической рефлексией Ф.И. Тютчева, запечатлённой в его поэтическом шедевре «Silentium!», впервые напечатанном в газете «Молва» (литературном приложении к журналу «Телескоп», 1833, № 32, 16 марта). Однако семантика этого мотива, представленная в контексте стихотворения «С.П. К……й», в то же время индивидуализируется и несколько отличается от смыслов, транслируемых мотивом «безмолвия» в упомянутых произведениях Жуковского и Тютчева. Дело в том, что Готовцева ставит в центр своего послания философский парадокс: к «безмолвию», к отсутствию звуков речи, её лирическую героиню приводит потрясение от музыки, от фортепианной игры С.П. Корниловой, то есть от власти звуковой стихии. Примечательно, что в этом стихотворении, навеянном реальным прослушиванием музыки, как и во втором послании Готовцевой к Ю.Н. Бартеневу «Вечер на 17 сентября 1850 года», звуковая гармония уподобляется пути к райскому блаженству. В послании к Бартеневу голос адресата вплетается в «хор ангелов», поющий «песни рая» [Готовцева: 54]. А поэтическое обращение к С.П. Корниловой заканчивается взволнованным призывом: «Играй, волшебница, не прекращай мой рай!»[9].

Таким образом, музыкальные образы, задействованные в поэзии Готовцевой 1820–1850-х гг., формируют в её художественной системе особый уровень и играют роль смысловых интеграторов: объединяют, структурируют и углубляют в лирических стихотворениях наиболее значимые аспекты аксиологии автора. Все они имеют романтическую природу и сочетают в себе литературные, мифологические и библейские истоки. Ключевыми репрезентациями музыкальной символики в лирике Готовцевой 1820–1850-х гг. являются образы «арфы» и «хора ангелов». В её стихотворениях, созданных в 1833–1834 гг. и приближающихся по своей жанровой специфике к лирическому фрагменту, музыкальные образы преломляют впечатления поэтессы от реального прослушивания музыки. В процессе интерпретации музыкальной символики Готовцева часто сопрягает мотив волшебства, магии, восходящий к мифологии и фольклору, а также мотив христианского рая. Предлагая во многом оригинальное истолкование музыкальной

образности, поэтесса, несомненно, обогащает и развивает художественное мышление лирики первой половины XIX в. в целом.

Примечания

[1] Стихотворения А.И. Корниловой, урождённой Готовцевой [1851] // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 18.

[2] В 1850 г. в поэтическом переложении прозаического отрывка А.П. Хвостовой «Камин» [Хва – а] Готовцева продолжит свой творческий диалог с Оссианом, стремясь вжиться в его образный мир, наполненный пением легендарных бардов [Коптелова 2024б: 64]: «Внимаю бардов мирный глас среди победоносна стана / И эхо в воздухе ловлю печальных песней Оссиана» [Готовцева: 57].

[3] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 18.

[4] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 14.

[5] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 17.

[6] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 4.

[7] Стихотворение цитируется по рукописи Готовцевой, так как в издании её произведений, осуществлённом в Костроме в 2005 г. и не являющемся научно обоснованным, текст послания «С.П. К……й» напечатан в искажённом виде (см.: [Готовцева: 38]).

[8] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 2–2 об.

[9] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 2 об.

Список литературы

Источники

Готовцева А.И. Стихотворения // «Прелестный дар, перо поэта…»: Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. Кострома: Губернский дом, 2005. С. 21–74.

Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. Москва; Ленинград: Гос. изд-во худож. лит., 1959–1960.

Литературный музеум на 1827 год / изд. Владимира Измайлова. Москва: В тип. С. Селивановского, 1827. 320 с.

Подарок бедным: альманах на 1834 год / изд. Новороссийским женским обществом призрения бедных. Одесса: В городской тип., 1834. 206 с.

Северные цветы на 1829 год. Санкт-Петербург: В тип. Деп. нар. просвещения, 1828. 207 с.

Хва – а. А – а. Камин. Отрывок // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 6. С. 68–78.

Языков Н. Анне Ивановне // Денница на 1831 год: альманах / изд. М. Максимовичем. Москва: В тип. Августа Семена при Императорской Медико-хирург. академии. 1831. С. 94.

Исследования

Бочков В.Н. «Твой недосказанный упрёк» // Костромские спутники Пушкина: историко-художественные очерки: юбилейный вып. журн. «Губернский дом». Кострома: Губернский дом, 2002. С. 141–154.

Вацуро В.Э. Пушкинский альманах // Избранные труды. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 83–117.

Долгушина М.Г. Дети-виртуозы в России 1800–1830 годов // Детство музыкантов: история, современность (междисциплинарный дискурс): материалы всерос. симпозиума VI сессии Научного совета по проблемам истории муз. образования / ред.-сост. В.И. Адищев, К.В. Зенкин. Москва; Пермь, 2017. С. 33–41.

Елепова М.Ю. Рецепция оссианизма в русской поэзии первой трети XIX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 65–73.

Коптелова Н.Г. А.И. Готовцева и П.А. Вяземский: история творческих взаимоотношений // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024а. № 6. С. 65–73.

Коптелова Н.Г. Бартеневский след в творчестве А.И. Готовцевой // Два века русской классики. 2024б. Т. 6, № 1. С. 38–73. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73

Коптелова Н.Г. Запись А.И. Готовцевой в альбоме М.А. Максимовича как отражение ее литературных связей // Филологический класс. 2025а. Т. 30, № 3. С. 136–145. https://doi.org/10.26170/2071-2405-2025-30-3-136-145

Коптелова Н.Г. Элегии А.И. Готовцевой 1820-х гг.: генезис и поэтика // Два века русской классики. 2025б. Т. 7, № 3. С. 6–31. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-6-31

Коптелова Н.Г., Четверикова А.А. Поэтические послания к П.А. Вяземскому З.А. Волконской и А.И. Готовцевой: ч. 1 // Новый филологический вестник. 2025а. № 1 (72). С. 61–72.

Коптелова Н.Г., Четверикова А.А. Поэтические послания к П.А. Вяземскому З.А. Волконской и А.И. Готовцевой: ч. 2 // Новый филологический вестник. 2025б. № 2 (73). С. 124–133

Кумпан К.А. Об одном текстологическом казусе // Новое литературное обозрение. 1992. № 2. С. 242–246.

Лебедев Ю.В. Анна Ивановна Готовцева // Лебедев Ю.В., Романова А.Н. Литература Костромского края. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века: учеб. пособие. Кострома: КГУ, 2018. С. 99–111.

Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века). Ленинград: Наука, 1980. 212 с.

Лосев А.Ф. Орфей // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2: К–Я / гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1980. С. 262–263.

Марусяк К.И. Костромской Квакер – Остафьевскому старцу: неопубликованные письма Ю.Н. Бартенева кн. П.А. Вяземскому // Литературоведческий журнал. 2025. № 2 (68). С. 160–200.

Морозова Е.В. Образ арфы в лирике Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и его время: сб. науч. ст. Санкт-Петербург: ВИРД, 2014. Вып. 9. С. 24–29.

Романова А.Н. Душевный мир провинциальной читательницы в лирике А.И. Готовцевой // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2025а. № 1 (56). С. 94–106. https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1(56).94-106.

Романова А.Н. Историко-литературный контекст поэтического диалога А.С. Пушкина и А.И. Готовцевой на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год» // Научный диалог. 2025б. Т. 14, № 7. С. 278–315. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-7-278-315 (In Russ.)

Романова А.Н. Собеседница поэтов Анна Готовцева: к истории литературных отношений пушкинской эпохи // Литература в школе. 2020. № 2. С. 62–75.

Сапрыгина Е. Вступительная статья // «Прелестный дар, перо поэта…»: стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. Кострома: Губернский дом, 2005. С. 3–18.

Чупринова Н.В. Женское творчество в «альманашный период» русской литературы: дис. … канд. филол. наук. Москва, 2018. 203 с.

References

Bochkov V.N. *«Tvoi nedoskazannyi uprek»* ["Your unsaid reproach"]. *Kostromskie sputniki Pushkina: istoriko-khudozhestvennye ocherki: iubileinyi vyp. zhurn. "Gubernskii dom"* [Kostroma companions of Pushkin: historical and artistic essays: anniversary issue of the magazine "Gubernsky Dom"]. Kostroma, Gubernskii dom Publ., 2002, pp. 141–154. (In Russ.)

Chuprinova N.V. *Zhenskoe tvorchestvo v "al'manashnyi period" russkoi literatury: dis. ... kand. filol. nauk* [Women's creativity in the "almanac period" of Russian literature: PhD thesis]. Moscow, 2018, 203 p. (In Russ.)

Dolgushina M.G. *Deti-virtuozy v Rossii 1800–1830 godov* [Child Virtuosos in Russia, 1800–1830]. *Detstvo muzykantov: istoriia, sovremennost (mezhdistsiplinarnyi diskurs): materialy vseros. simpoziuma* [The Childhood of Musicians: History and Modernity (Interdisciplinary Discourse): Proceedings of the All-Russian Symposium)], ed. by V.I. Adishchev, K.V. Zenkin. Moscow, Perm Publ., 2017, pp. 33–41. (In Russ.)

Elepova M.Iu. *Retseptsiia ossianizma v russkoi poezii pervoi treti XIX veka* [Reception of Ossianism in Russian Poetry of the First Third of the 19th Century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Ser.: Humanities and Social Sciences], 2012, no. 2, pp. 65–73. (In Russ.)

Koptelova N.G. *A.I. Gotovtseva i P.A. Viazemskii: istoriia tvorcheskikh vzaimootnoshenii* [A.I. Gotovtseva and P.A.Vyazemsky: history of creative relationships]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological sciences. Scientific essays of higher education], 2024a, no. 6, pp. 65–73. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Bartenevskii sled v tvorchestve A.I. Gotovtsevoi* [Bartenev's trace in the work of A. I. Gotovtseva]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2024b, vol. 6, no. 1, pp. 38–73. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73 (In Russ.)

Koptelova N.G. *Zapis A.I. Gotovtsevoi v albome M.A. Maksimovicha kak otrazhenie eë literaturnykh sviazei* [A.I. Gotovtseva's Note in the Album of M.A. Maksimovich as a Reflection of Her Literary Relationships]. *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2025a, vol. 30, no. 3, pp. 136–145. https://doi.org/10.26170/2071-2405-2025-30-3-136-145 (In Russ.)

Koptelova N.G. *Elegii A.I. Gotovtsevoi 1820kh gg.: genezis i poetika* [Elegies by A.I. Gotovtseva in the 1820s: Genesis and Poetics]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2025b, vol. 7, no. 3, pp. 6–31. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-6-31 (In Russ.)

Koptelova N.G., Chetverikova A.A. *Poeticheskie poslaniia k P.A. Viazemskomu Z.A. Volkonskoi i A.I. Gotovtsevoi: ch. 1* [Poetic messages to P.A. Vyazemsky by Z.A. Volkonskaya and A.I. Gotovtseva: part 1]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2025a, no. 1 (72), pp. 61–72 (In Russ.)

Koptelova N.G., Chetverikova A.A. *Poeticheskie poslaniia k P.A. Viazemskomu Z.A. Volkonskoi i A.I. Gotovtsevoi: ch. 2* [Poetic messages to P.A. Vyazemsky by Z.A. Volkonskaya and A.I. Gotovtseva: part 2]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2025b, no. 2 (73), pp. 124–133 (In Russ.)

Kumpan K.A. *Ob odnom tekstologicheskom kazuse* [About one textual incident]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1992, no. 2, pp. 242–246. (In Russ.)

Lebedev Iu.V. *Anna Ivanovna Gotovtseva* [Anna Ivanovna Gotovtseva]. Lebedev Iu.V., Romanov A.N. *Literatura Kostromskogo kraia. Vtoraia polovina XVIII – pervaia polovina XIX veka: ucheb. posobie* [Literature of the Kostroma region. Second half of the 18th – first half of the 19th century: textbook]. Kostroma, KGU Publ., 2018, pp. 99–111. (In Russ.)

Levin Iu. *Ossian v russkoi literature (konets XVIII – pervaia tret' XIX veka)* [Ossian in Russian literature (end of the 18th – first third of the 19th century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, 212 p. (In Russ.)

Losev A.F. *Orfei* [Orpheus]. *Mify narodov mira: entsiklopediia: v 2 t. T. 2 (K–Ia)* [Myths of the peoples of

the world: encyclopedia: in 2 vols. Vol. 2 (K–Ia)], ed. by S.A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1982, pp. 262–263. (In Russ.)

Marusiak K.I. *Kostromskoi Kvaker – Ostafevskomu startsu: neopublikovannye pisma Iu.N. Barteneva kn. P.A. Viazemskomu* [Kostroma Quaker – to Ostafievsky Elder: Unpublished Letters of Yu. N. Bartenev to Prince P.A. Vyazemsky]. *Literaturovedcheskii zhurnal* [Literary journal], 2025, no. 2 (68), pp. 160–200. (In Russ.)

Morozova E.V. *Obraz arfy v lirike G.R. Derzhavina* [The Image of the Harp in G.R. Derzhavin's Lyrics]. *G.R. Derzhavin i ego vremia: sb. nauch. st.* [G.R. Derzhavin and His Time: collection of Scientific Articles]. Saint-Petersburg, VIRD Publ., 2014, vol. 9, pp. 24–29. (In Russ.)

Romanova A.N. *Dushevnyi mir provintsialnoi chitatelnitsy v lirike A.I. Gotovtsevoi* [Provincial female reader's inward world in poems by A.I Gotovtseva]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of NovSU], 2025a, no. 1 (56), pp. 94–106. https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1 (In Russ.)

Romanova A.N. *Istoriko-literaturnyi kontekst poeticheskogo dialoga A.S. Pushkina i A.I. Gotovtsevoi na stranitsakh almanakha «Severnye tsvety na 1829 god»* [Historical and Literary Context of Poetic Dialogue Between A.S. Pushkin and A.I. Gotovtseva in Almanac "Northern Flowers for Year 1829"]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], vol. 14, no. 7, 2025b, pp. 278–315. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-7-278-315 (In Russ.)

Romanova A.N. *Sobesednitsa poetov Anna Gotovtseva: k istorii literaturnykh otnoshenii pushkinskoi epokhi* [Interlocutor of poets Anna Gotovtseva: on the history of literary relations of the Pushkin era]. *Literatura v shkole* [Literature in School], 2020, no. 2, pp. 62–75. (In Russ.)

Saprygina E. *Vstupitel'naia stat'ia* [Introductory article]. "*Prelestnyi dar, pero poeta…": stikhi A. Gotovtsevoi i Iu. Zhadovskoi* ["A lovely gift, a poet's pen...": poems by A. Gotovtseva and Y. Zhadovskaya]. Kostroma, Gubernskii dom Publ., 2005, pp. 3–18. (In Russ.)

Vatsuro V.E. *Pushkinskii al'manakh* [Pushkin's Almanac]. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 83–117. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 12.04.2026; принята к публикации 10.09.2026.

The article was submitted 09.04.2026; approved after reviewing 12.04.2026; accepted for publication 10.09.2026.